

ФЕЛИКС
ЧУЕВ

ТАК
ГОВОРИЛ
КАГАНОВИЧ

ИСПОВЕДЬ СТАЛИНСКОГО АПОСТОЛА

Феликс Иванович Чуев

Так говорил Каганович

Серия «Великие вспоминают»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7532715

Ф.И. Чуев "Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола".

Серия "Великие вспоминают": Алгоритм; М.; 2019

ISBN 978-5-907149-45-8

Аннотация

В течение нескольких лет Феликс Чуев был собеседником ближайшего сподвижника Иосифа Сталина – «железного наркома» Лазаря Кагановича. Последний оставил этот мир на девяносто восьмом году жизни, не изменив ни своим убеждениям, ни своим соратникам.

Лазарь Каганович нарушил молчание и рассказал о множестве тайн сталинской эпохи и первых лет нахождения у власти Никиты Хрущева. Автор записывал беседы с ним, вел дневники, поэтому в его книге достоверная информация, сенсационные документы и уникальные фотографии из личного архива.

Содержание

От издателя 1	4
Евангелие от Лазаря.	4
От автора	21
Знакомство	27
26 декабря 1986 года	27
О Молотове	32
Писатели о рабочем классе	35
Глава 1	39
Знакомство с Лениным	39
Ленин меня утешал	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ф.И. Чуев
Так говорил Каганович
Исповедь
сталинского апостола

От издателя ¹

Евангелие от Лазаря.
Размышления издателя
взамен напутственного слова

I

Перед тобою, соотечественник, необыкновенная книга. Родилась она из встреч и бесед русского поэта Феликса Чуева со столетним почти старцем, который пережил всех друзей и врагов и сохранил верность Учителю, незыблемость принципов, по которым жил и действовал в ключевые мо-

¹ Предисловие к первому изданию книги 1992 года. – Прим. ред.

менты истории Великой Державы.

Не предал, не покачулся, сберег ясность ума и четкое понимание того политического зигзага, в который вовлекли нас ложная перестройка и вероломное новое мышление.

Теперь маски сброшены, и о реставрации капитализма открыто заявляют сатанинские силы, развалившие Советский Союз и принявшиеся за расчленение и без того обглоданной погранично Российской Федерации.

– Но капитализма в России никогда не будет! – восклицает мудрый старик и с завидным чувством диалектики, которого нет, увы, у нынешних вождей, обстоятельно доказывает: торжество социализма неизбежно.

Более трех десятилетий работал он рядом с Великим Вождем, знал его, как говорят, досконально, виделся ежедневно и вместе с Иосифом Виссарионовичем воздвигал могучее здание Большой России, с мнением которой считался весь мир.

И дожил до жалких подачек, фронтовых пайков американских солдат, которые не успели они съесть в Аравийской пустыне, набрасываясь, как шакалы, на Саддама Хусейна, и теперь шлют нам как нищенское подаяние, цинично не скрывая: все равно через полгода кончается срок годности этих продуктов...

Оккупанты подкармливают побежденных без единого выстрела русских!

– При Сталине страна была бедная, – говорит наш ге-

рой, – но в магазинах что-то было.

Отставленный от руководства государством, исключенный из партии иудой, который прежде тоже клялся в верности Учителю и предал его память, Каганович не дал ни одного интервью, ни с кем не поделился собственными мыслями, не создавал подозрительных фондов собственного имени, но ни явно, ни тайно не вмешивался в политику.

Он наблюдал и размышлял. И только Феликсу Чуеву, по-эту, известному такой же убежденностью и стойкостью в принципах, поведал, о чем думал в годы предательской оттепели Хрущева, во времена тяготящего застоя Брежнева, в переходный период от Андропова к Горбачеву и в проклятые времена перестройки.

Кстати, последнее слово было беззастенчиво заимствовано «прорабами перестройки» из его же доклада, который он сделал на XVII съезде партии в 1934 году, именно со слова «перестройка» начинался его доклад по организационным вопросам. Слава Богу, сей факт запечатлен в документах, и его не смогут опровергнуть радикально переукрашенные историки, усердно обслуживающие антикоммунистический режим, хотя еще вчера защищали диссертации, в которых распинались в верности коммунистическим идеалам, исправно платили членские взносы, берегли партийные билеты.

Он говорит о Сталине:

– В первые годы Сталин был мягким человеком... Врагов

у него было много, ненавистников... Трудно было не ожесточиться. Невозможно!

И еще:

– При Сталине никогда не было дефицитного бюджета.

Человек, в руках которого была сосредоточена огромная власть и бесчисленные материальные ценности, долгие годы жил в небольшой квартирке на пенсию в сто пятнадцать рублей.

И никогда не роптал, ничего у правительства не просил.

У него не было ни машины, ни дачи, ни охраны. Ничего, кроме страстного желания вернуться в лоно родной Коммунистической Партии.

Но и в этом ему отказали, не вернули партийный билет.

– Фанатик? – спросите вы.

Фанатики до ста лет не доживают. Попросту он был настоящим коммунистом, честным человеком.

И остался таковым Лазарь Моисеевич Каганович до конца.

II

Что же делать нам, его соотечественникам, русским людям – а еврей по рождению Каганович считал себя безусловно русским человеком, – чтобы исправить историческую несправедливость по отношению к Российской Державе и народам, которые так или иначе оказались судьбами свя-

заны с судьбою России?

Надо строить в России справедливое общество.

Теперь мы отдаем себе отчет в том, что спасти российское общество может только сильная государственная власть, опора на исторические нравственные устои, духовное возрождение народа, его сплочение вокруг идеи державности и равенства всех перед законом.

Государственное просто обязано быть выше Личного! И уж совсем нам ни к чему общечеловеческие ценности, этот помрачающий народное сознание жупел, сочиненный в советологических лабораториях американских университетов и фондов, пополняемых «зелеными» со штампом ЦРУ.

Опираясь на действия демократических законов, по которым должно развиваться общество, мы считаем заблуждением уповать на то, что бытие определяет сознание. Суровые мечтатели прошлого, в том числе и Учитель Сталин с его апостолами, догматически восприняли сие положение Маркса, пренебрегли развитием духовного, результатом чего и явился нынешний мелкобуржуазный зигзаг.

Нет, в собственной практике мы обязаны опираться на оба начала – материальное и духовное, следует полагать и то и другое жизненно важным, необходимым.

Но отсюда вытекает бесспорное утверждение о том, что Духовное всегда национально. Поэтому мы исключаем из повседневного обихода понятие интернационализма, который спровоцировал геноцид в отношении русского народа, и бу-

дем обходиться в собственных отношениях с иными нациями понятием «дружба народов».

Лазарь Моисеевич часто и поучительно останавливается на исторических фактах Великой французской революции. Именно тогда был выдвинут лживый лозунг «свобода, равенство и братство». Его провокационно предложили поборники Мирового Правительства, которые спустя более чем столетие ввергли Россию в кровавый омут Первой мировой войны, поставили Державу на грань национальной катастрофы.

Свобода сама по себе не имеет знака. Свобода может быть употреблена как во имя добра, так и во имя зла. Добровольное ограничение личной свободы есть непременно условие устойчивости общества, договорившегося о единых правилах государственного поведения.

– Это глубокая ошибка, – говорит Каганович, – подорвать авторитет государства. Государство должно быть авторитетным, и без государства не может существовать ни один народ. Государство должно быть сильным, крепким, демократическим, чтоб люди не боялись, интеллигенция не боялась, но вместе с тем необходимо какое-то соотношение между убеждением и принуждением. Без принуждения государства быть не может! Но должна быть и сила убеждения, сила идей. И в экономике тоже...

И еще:

– Теперешние вожди, как мальчишки, как детишки, представляют все это как игру. Взял лопату, и бей куда попало...

Неужели моим соотечественникам не ясно, что пресловутое равенство суть приманка, на которую ловят доверчивых простаков говорливые демагоги, коварные слуги тех сил, которые с далеко идущими целями разрушают Российскую Державу?!

Люди по природе не могут быть равными. Но государство обеспечивает всем без исключения гражданам равенство перед законом. Общество требует от соотечественников выполнения ими личного долга перед всеми остальными, полагаясь при этом на возможности и способности каждого индивида.

Формально провозглашаемое братство есть не что иное, как набивший кровавую и голодную – для русских! – оскомину интернационализм, догматическое, увы, положение, которым руководствовались прежние вожди. Интернационализм, лишенный принципа разумности, находится в одном ряду с метафизическим выпячиванием базиса экономического материального начала.

Истинная справедливость, за которую и обязан бороться каждый соотечественник, состоит в том, чтобы обеспечить гражданам, членам единой большой семьи – государства! – возможность для гармоничного развития личности во имя упрочения Российской Державы, сила и мощь которой являются гарантом каждого.

Следует помнить: резкое расслоение общества на очень богатых и очень бедных, по существу, на нищих, никогда не

укрепит государство, а это в свою очередь посеет страх и неуверенность во всех слоях населения, не позволит выйти из кризиса.

Необходима, крайне нужна объединяющая Идея!

Русский народ никогда не будет самоотверженно трудиться исключительно ради личного обогащения. Таков уж наш национальный характер, существования которого совершенно не учитывают дорвавшиеся до власти нравственно несостоятельные говоруны прозападной ориентации, тесно связанные с агентами влияния вражеских спецслужб и явными коллаборационистами, предателями жизненно важных интересов Державы.

Отечество, взорванное изнутри, в смертельной опасности!

При всем при том собственных целей мы должны добиваться исключительно парламентским путем, проповедничеством державных, патриотических идей и помыслов.

Законность и правопорядок – вот принципы, которыми должно руководствоваться в справедливой деятельности по обретению авторитета у нашего народа, обретению политической и государственной власти в России.

Привлекая сограждан в ряды сторонников восстановления в нашем государстве истинной справедливости и былого величия России, мы обязаны забыть прежние обиды и претензии друг к другу, приобщать к движению за укрепление государственности патриотически настроенных соотече-

ственников Державы и ее окраин любых религиозных и партийных убеждений.

Необходимо полагать Россию связующим звеном между Западом и Востоком, Севером и Югом, особым геополитическим пространством, именуемым Евразией.

Историческая судьба отвела Российской Державе особую роль миротворца и посредника между расами и любыми разновидностями общественного строя. Именно в этом состоит планетарная миссия Российской Державы, призванной стать соединительной материей в будущем Союзе народов Земли.

Возрождение российского народного хозяйства возможно лишь при многоукладной экономике и равноправном существовании всех форм собственности, а также при закреплении земли за теми, кто на ней работает или проживает.

Духовное возрождение русского народа и тех наций, которые исторически связали с ним собственные судьбы, возможно лишь на путях святого отношения к народным традициям, языковой свободе, культурной автономии.

Проблемы экономики и рационального хозяйствования не должны зависеть от задач национального и культурного строительства. Им надлежит развиваться независимо друг от друга, в равной степени совершенствуя и духовное и материальное начала в жизни Российского Общества.

Объединившись сами, русские люди, вынесшие на себе страшные испытания двадцатого века, выполняют в третьем тысячелетии историческую задачу, возложенную на нас Ис-

торией, – объединят в дружную семью народы планеты.

Великому народу – Великую идею и Великое государство!

III

В размышлениях Лазаря Моисеевича Кагановича значительное место уделено личности Сталина. Это немудрено: автор Евангелия от Лазаря находился рядом с Учителем не день, не два, а всю, как принято говорить, сознательную жизнь.

– Я знаю только одно о Сталине, – говорит Лазарь Моисеевич, – он весь был в идее. И это – главное... Он ценил людей по работе.

И еще:

– Сталин был разный, и Сталин был один... Это был железный, твердый, спокойный даже, я бы сказал. Внутренне выдержанный, всегда мобилизованный человек, никогда не выпускал слово изо рта, не обдумав его, – таков Сталин для меня. Я всегда его видел думающим. Он разговаривает с тобой, но в это время думает. И целеустремленный. Целеустремленный. Это было у него всегда.

Таков Сталин у Кагановича, верного апостола Вождя. Эта верность Идеалу и носителю его красной нитью проходит через книгу, которую ты, соотечественник, держишь в руках. Конечно, мне могут возразить; ведь Каганович был сталинистом.

Разумеется, сие суть истина, не требующая доказательств, и Евангелие от Лазаря тому подтверждение.

Но кто у нас не сталинист? Таковых в прежнем Советском Союзе, а ныне в Содружестве независимых государств попросту нет.

И бывший президент Горбачев, и нынешние президенты², и Собчак с Поповым, и неотроцкисты из радикальной их свиты, все эти рои Медведевых³, Нуйкиных⁴, Афанасьевых⁵, Яковлевых⁶, Старовойтовых⁷ и Новодворских⁸ – самые что

² Речь идет о руководителях бывших союзных республик СССР в 1992 году. – *Прим. ред.*

³ Рой Александрович Медведев (род. 14 ноября 1925, Тифлис, ССРГ, ЗСФСР, СССР) – советский и российский публицист, педагог, писатель-историк, автор многих политических биографий. Представитель левого крыла в диссидентском движении в СССР. Член ЦК КПСС (1990—1991), депутат Верховного Совета СССР (1989—1991). – *Прим. ред.*

⁴ Андрей Александрович Нуйкин (14 августа 1931, Новосибирск, РСФСР, СССР – 17 сентября 2017) – советский и российский критик, писатель, публицист. Кандидат искусствоведения. Член Союза писателей СССР (1976), секретарь Союза писателей Москвы. – *Прим. ред.*

⁵ Юрий Николаевич Афанасьев (5 сентября 1934, пос. Майна, Ульяновская область, СССР – 14 сентября 2015, Москва, Россия) – советский и российский политик и историк. Ректор Московского государственного историко-архивного института (1986—1991), основатель, ректор (1991—2003) и президент (2003—2006) Российского государственного гуманитарного университета. – *Прим. ред.*

⁶ Александр Николаевич Яковлев (2 декабря 1923, дер. Королёво, Ярославская губерния – 18 октября 2005, Москва) – советский и российский политический деятель, публицист, академик РАН, один из главных идеологов, «архитекторов» перестройки – прим. ред

⁷ Галина Васильевна Старовойтова (17 мая 1946, Челябинск – 20 ноября 1998,

ни на есть кондовые сталинисты.

Эпоха Сталина – великая эпоха. Ее зачеркнуть, стереть из памяти человечества попросту невозможно. Я не сомневаюсь: уже грядет время, когда товарищ Сталин будет объявлен национальным Героем Большой России, действительной, безграничной преемницы Советского Союза.

Вспомните Наполеона, воевавшего со всей Европой, разорившего Францию и по достоинству оцененного соотечественниками, ибо Бонапарт принес им пусть и недолгую славу Великой Державы, перед которой трепетал тогдашний мир. И символично, что именно задравшись с Россией, Наполеон нашел здесь собственную погибель.

Внутренние враги, захватившие ныне Русское Государство, куда опаснее и страшнее любого иноземного захватчика.

Наступило Смутное Время.

Оно уже бывало в отечественной истории, когда агрессоры, посадив на престол самозванца, бражничали в древнем Кремле.

Но приходили к народу Минин и Пожарский, поднима-

Санкт-Петербург) – российский политический и государственный деятель, специалист в области межнациональных отношений, правозащитница, кандидат исторических наук. – *Прим. ред.*

⁸ Валерия Ильинична Новодворская (17 мая 1950, Барановичи, Белорусская ССР, СССР – 12 июля 2014, Москва, Россия) – советский диссидент и правозащитник; российский либеральный[3] политический деятель и публицист, основательница праволиберальных партий «Демократический союз» (председатель Центрального координационного совета) и «Западный выбор». – *Прим. ред.*

ли соотечественников в поход на продавшуюся закордонным стервятникам Москву.

Он снова близок, близок этот освободительный поход!

IV

Иосиф Виссарионович Сталин оставил нам великое государство. И жизнь в нем становилась все лучше и лучше. До тех пор пока невежественный иуда Хрущев не предал идеалы, вбил первый клин и в духовную твердь, и в экономический хребет Державы.

Именно при Хрущеве принялись мы закупать хлеб за океаном, именно в годы его предательской оттепели возникли молодые хриstopродавцы, которые ныне, седовласые уже вибии, превратились в завзятых прорабов иудиного мышления, лизунов атлантической, будто бы демократической, задницы.

Участь того ученика, который предал Учителя и выдал врагам в Гефсиманском саду известна. И пусть современные иуды знают: асины растут не только в окрестностях Иерусалима. Их предостаточно и в русских лесах. На всех хватит!

...Когда умер Сталин, мне исполнилось уже восемнадцать лет, я учился на третьем курсе мореходного училища, год проплавал матросом, на себе испытал, что такое война в Корее и цунами на Курильских островах.

Но я оплакивал смерть Учителя и не стыдился горьких

мужских слез.

Двадцатый съезд поверг меня – да разве только меня! – в шоковое состояние. Позднее я написал и напечатал рассказ «Последний крик», за который автора местные власти чохом зачислили в формалисты – с подачи Хрущева в стране была развернута и такая кампания.

Крупно, масштабно я показал Сталина в многоплановом и объемном романе «Мясной Бор», посвященном трагической судьбе Второй ударной армии. Изображая Сталина первой половины 1942 года, я попытался ответить на всегда мучивший меня вопрос: почему Сталин был таким, каким он был.

И хотя полагал, что мне удалось объективно раскрыть необычно сложную личность, удовлетворения не было. Критически осмысленный образ Сталина был, по моему убеждению, не полон.

И тогда я обратился к любимой мною фантастике. Используя приемы этого жанра, я прислал Сталина со звезд на грешную Землю наших дней и вместе с Вождем отправился в необыкновенное, полное опасностей и невероятных приключений путешествие по многострадальной России.

Сталин, с которым я, став героем романа, общался чуть более года, был уже другим, посланцем галактических сил Добра, получившим от Зодчих Мира сверхзнание и постигшим прежние ошибки.

Вот о новом Сталине, прибывшем со Звезды Барнарда, дабы помочь соотечественникам в лихую годину перестрой-

ки, и рассказывается в фантастическом романе «Вторжение».

Таковы метаморфозы моего отношения к Учителю. И если друзья и недруги решат, что Станислав Гагарин превратился в сталиниста, то отвечу им: вы сами, милые, всегда были и остаетесь носителями сталинизма, который не подлежит искоренению в ближайшую тысячу лет.

Более того, рискнул бы посоветовать иерархам Православной Церкви причислить Иосифа Виссарионовича к лику святых.

Он родился христианином, верил во Всевышнего и даже готовился стать его жрецом.

Известно, что последнему Романову статус святого определили. Но если сравнить житие Николая Второго со славными делами Иосифа Первого на благо Отечества, то житие Сталина куда более плодотворно.

Жертвы? А разве их не было во времена правления Николая Александровича? Не буду вспоминать бессмысленную Ходынку, Кровавое воскресенье и Ленский расстрел, ставшие хрестоматийными трагические события.

А кто втянул нас неразумной дипломатией в русско-японскую войну? На чьей совести Порт-Артур и гибель эскадры в Цусимском проливе? Вспомните про истинного виновника четырех лет мировой войны, которая поглотила миллионы русских солдат и поставила Великую Державу на грань полного распада.

Николай Второй развалил Россию, Иосиф Первый собрал ее и потому куда более, нежели Романов, достоин звания святого.

V

Довольно часто бывает так, что тема выводит автора на иные, пусть и сходные сюжеты.

Видимо, нельзя представлять книгу бесед с Кагановичем, не вспомнив при этом о Сталине.

Собственно говоря, ценность книги «Так говорил Каганович» не только в том, что это уникальная возможность из первых уст услышать о делах давно минувших лет, узнать оценку многое повидавшего человека тому, что происходит в нынешнем государственном доме.

Это еще и возможность сравнить прежние и нынешние государственные подходы к решению насущных задач, стоящих перед Отечеством, перед Российской Державой.

Наконец, это памятник такой понятной человеческой верности человеку, которого уважал, с которым работал, делил нелегкое бремя строительства нового государства. И остался преданным Учителю до конца.

Подобное ныне встречается, к сожалению, редко. Тридцать иудиных сребреников не дают покоя целому сонму разоблачителей, осквернителей, гробокопателей, с глумливыми воплями выбрасывающих кости не могущих защитить себя

предков.

Давайте хранить и обихаживать их могилы...

Можно что угодно думать и говорить о бывшем местечковом кожевнике Лазаре Кагановиче. Нельзя лишь отрицать того, что он был одним из создателей Великой Державы. И до конца вековой жизни остался верен Учителю, достойным апостолом которого был всегда.

Каганович не изменил Сталину, Христу и страдальцу двадцатого века, как сделал это иуда Хрущев, предтеча дьявольской перестройки и лживого нового мышления.

Честный Лазарь оказался достойнейшим учеником Сталина, и его исповедь, которую вы сейчас прочтете, вернет вас к образу Великого Вождя Великой России, ныне униженной и оболганной ничтожными пигмеями, которых неизбежно смахнет в мусорный ящик забвения Ее Величество История.

От автора

Номер телефона Кагановича мне дал Молотов.

Нашей песне печаль незнакома,
С этой песней нам легче идти,
Этой песней встречаем наркома,
Дорогого наркома пути!
Эх, самая залетная, Светлая, высотная,
Песня пролетает с ветерком,
Эх, солнце разливается, Песне улыбается
Каганович – сталинский нарком!⁹

Давно забыта эта песня. И какой бы отзвук она сегодня ни вызывала, однако у людей даже моего поколения, послевоенных мальчишек, осталась память чувства. Это наша история. Эпоха. Всегда найдутся изображающие ее по-своему. Нередко те, кого история не пощадила. Эпоха шла напролом, «во имя», и потому, по крайней мере тогда, была права. Во всяком случае, для большинства.

Ценой несочтенных жертв, нередко насилия и крови, было создано общество, которое вопреки сторонним утверждениям оказалось жизнеспособным и одержало победу в крупнейшей из войн человечества.

⁹ «Песня железнодорожников», авторы А.В. Александров и С. Алымов, впервые была опубликована в 1943 году. – *Прим. ред.*

Одним из тех, кто входил в главный штаб страны еще со времен Ленина, был Каганович.

– Не знаю, как вы руководили железными дорогами, Лазарь Моисеевич, – говорю я, – но при вас поезда не опаздывали. А сейчас приходится ждать по нескольку часов.

– Даже в войну транспорт работал как следует, – отвечает Каганович. – Ведь мне за годы войны никто не дал ни одной шпалы, ни одного костыля. Но у меня было все! Откуда это взялось? А говорят, мы не готовились! – горячо восклицает он. В темпераменте и твердости ему не откажешь и сейчас. А ведь живет он уже на земле девяносто восьмой год.

...Обычная, весьма скромная московская квартира никак не соответствует былому рангу хозяина. Несколько лет назад он сломал ногу и ходит с трудом. Давно не бывал на воздухе, а в квартире нет даже балкона. Во дворе караулят журналисты, ломятся в дверь, но Каганович никого не принимает, а понаписано о нем столько неправды, разве что чуть поменьше, чем о Сталине. Пишут, что скопил большие богатства, но я-то знаю, как он живет.

У многих в голове не укладывается, что человек, занимавший высшие посты, ничего не взял для себя от государства.

Много лет после вынужденной отставки получал пенсию 115 рублей 20 копеек – не хватило документов до ста двадцати рублей.

Обратился в ЦК партии за справкой о том, что он двенадцать лет работал секретарем ЦК. Отказали. Попросил в Со-

вете Министров бумагу, подтверждающую, что двадцать лет был первым заместителем главы советского правительства, министром путей сообщения – тоже отказ. Когда стал объяснять в беседе, что его должности указаны в энциклопедии, ему ответили: «Энциклопедия для нас не документ».

Это, конечно, верно. Про энциклопедию. Да и сама история для нас тоже не документ и ничему не учит. И пока мы будем так относиться к истории и ее персонажам, какими бы они ни были, – каждое поколение выдвигает достойных себя, – так вот, пока мы будем так относиться, такими будем и сами.

И бывший «нарком пути» жил на 115 рублей 20 копеек.

Умерла жена – не выдержала его исключения из партии. Хоронить, заказать надгробие было не на что, пришлось продать книги и единственную ценную вещь – красивый ковер, некогда подаренный китайцами...

«Внуки не должны на меня обижаться, что я им ничего не оставлю», – сказал он.

В последние годы ему платят триста рублей пенсии, из коих 180 он отдает домработнице. Как ветеран и Герой Социалистического Труда никакими льготами не пользуется. Даже справки нет, что во время войны был ранен... Мог ли тогда подумать, что понадобится такая?

Он работал в ЦК еще при Ленине, десятки лет был членом Политбюро при Сталине. Выходец из беднейшей семьи, рабочий-кожевник, ставший революционером...

Большевик с 1911 года, он через пятьдесят лет был исключен из партии за то, что вместе с Молотовым, Маленковым, Ворошиловым и другими наиболее видными деятелями – большинством Президиума ЦК – выступил против тогдашнего лидера партии Хрущева.

Я много читал о Кагановиче и немало слышал разговоров о нем. Существует мнение, что Каганович – грубый и даже неотесанный человек. Не знаю, может, он был таким когда-то. Но вот уже несколько лет я общаюсь с весьма интересным, мыслящим и начитанным собеседником. Он знает литературу, особенно русскую и украинскую, обладает чувством юмора.

– Как говорят в Одессе – слушай сюда! – Каганович доверительно прикладывает ладонь к груди. – Я вам даю самый цимес, то, что никому, кроме вас, о себе не говорю!

Крупный, могучий, он сидит передо мной в застегнутой на все пуговицы плотной рубашке, напоминающей «наркомовский» френч 30-х годов. Разговаривая, иногда поглаживает крупные седые брови, покручивает усы, улыбается. Изредка отрывисто смеется. После эпохи своих портретов внешне, конечно, изменился, но память великолепная, реакция быстрая. Не теряет нить разговора, упорно, до конца старается высветить ее. По-прежнему масштабно, по-государственному мыслит. Остро воспринимает все, что происходит в стране. Тех, кому не дает покоя тень Сталина, называет «сталиноедами».

Плохо стало со зрением, однако до трех часов ночи смотрит, а вернее, слушает телевизор, переживает.

– Сейчас появились новые слова: «конверсия», «конвергенция», «ротация», – говорит он, – зато почти исчезли «марксизм», «социализм», а про «коммунизм» вообще не слышно.

Таким же остался у меня в памяти и Молотов. Это особые люди, и я им не судья. Да и судить их можно, наверно, только законами их времени. Ни личные блага, ни семья не могли им стать помехой для достижения избранной цели. Но я всегда уважал людей убежденных и не меняющих убеждений, как многие, у которых чего нет, того нет. В этом смысле мной почитаемы Николай Островский и Иван Бунин, неприемлемы маршал Тухачевский и генерал Власов...

Каганович остался верен главным идеалам собственной жизни.

«Да, были люди...» Не мы.

Пять лет я встречаюсь с ним и постоянно веду дневник, подробно записывая наши беседы и телефонные разговоры. Для этой книги я старался исключить из дневника повторы, ибо один и тот же эпизод, бывало, рассказывался не однажды. Я выбрал то, что, как мне кажется, может представить интерес для читателя – по крайней мере, мне самому это было интересно. Думается, интересно еще и потому, что это устные рассказы, ибо так, как говоришь, не напишешь.

Итак, прочтите то, о чем говорил мне верный сталинский

апостол, нестигаемый коммунист Каганович.

– Слушайте сюда, – как любит шутливо приговаривать Лазарь Моисеевич.

Феликс Чуев, Май 1991 года

Знакомство

26 декабря 1986 года

Сегодня впервые был у Лазаря Моисеевича Кагановича. Давно собирался к нему, еще Молотову говорил об этом. Несколько раз на даче Вячеслава Михайловича был свидетелем, как они перезванивались по телефону. И вот недавно, полтора месяца тому, похоронили Молотова¹⁰. На похоронах, верней, на поминках в молотовской квартире на улице Грановского, я познакомился с дочерью Кагановича, Майей Лазаревной. Она сказала, что отец знает про меня со слов Молотова, и пригласила в гости. И вот примерно неделю назад я ей позвонил, и мы договорились, что я приеду в пятницу, в 17 часов.

Фрунзенская набережная, 50, квартира 384. Девятый подъезд, 6-й этаж. Большущий дом сталинской постройки с высокими потолками. Позвонил, верней, нажал круглую кнопку звонка, дверь открыла дочь, предварительно спросив, кто там. «А то знаете... – извиняющимся тоном сказала она, открыв дверь, – к нам разные рвутся...»

Небогатая квартира. Старая изношенная мебель, напоми-

¹⁰ Умер 8 ноября 1986 года. – *Прим. ред.*

нающая казенную. Бедней, чем у Молотова. Тому хоть дачу предоставили. У Кагановича дачи нет. Машины тоже нет.

...Он сидел в кресле у стены перед небольшим металлическим столиком, поворачивающемся на оси. Рядом – костыли, и на стене от их касаний в одном месте отбита штукатурка. Он передвигается на костылях уже, наверно, больше года. А так – выглядит все-таки бодро для своих 93 лет. Седые виски, седые усы.

Лазарь Каганович в конце 80-х годов

Темно-коричневая рубашка навыпуск. Раза два во время беседы он расстегивал пуговицу и поправлял лямку майки. Иногда покручивал усы...

На стенах – несколько фотографий. Портрет жены Марии Марковны, сам он в кругу семьи, а также два снимка, сделанных на 50- и 60-летие Сталина. Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Киров и Каганович с бородой – никогда не видел раньше такой фотографии.

Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилов, В.В. Куйбышев, И.В. Сталин, М.И. Калинин, Л.М. Каганович и С.М. Киров в день 50-летия Сталина

Телефон Кагановича записан давно. Я раза два звонил ему, никто не поднимал трубку, но у меня было предчув-

ствие, что увижусь я с ним только после смерти Молотова.

Я разделся в прихожей, вошел в комнату, мы поздоровались за руку. Каганович сказал, что знает мои стихи.

– Вам, наверно, лет около пятидесяти?

– Сорок пять, – ответил я.

– Феликсом назвали в честь Дзержинского? Папа, наверно, был чекистом?

– Нет, летчик. Коммунист.

– Значит, интернационалист, – сделал вывод Каганович.

О Молотове

Заговорили о недавней кончине Молотова.

– Он умер, значит, от воспаления легких? – спросил Каганович.

– Да, – отвечаю, – а крепкий был. Когда он заболел, я звонил Тане и Сарре Михайловне (домработница и племянница жены. – Ф. Ч.), они сказали: «Скоро он вернется из больницы, и вы сразу к нам приедете».

– Несколько неожиданно, – говорит Мая Лазаревна.

– В апреле, год тому назад, больше года, я его видел, – говорит Каганович.

– Еще рюмочку выпивал, – говорю я.

– До закона? – спрашивает Мая Лазаревна.

– Нет, вот день рождения его был 9 марта, он речь произнес. 97-й год ему пошёл.

– Я читал то, что было напечатано о нем в «Московских новостях», – говорит Каганович.

– Ерунда, не верьте, – говорю я.

– Мы верим всему, что в газетах, привыкли так, – замечает дочь.

– Я тоже так привык, – отвечаю, – но мне сказали, что Молотову это даже не показывали, чтоб не расстраивать. Он так и не видел. Четыре года назад Евгений Джугашвили, внук Сталина, привез к нему журналистку, и она написала, что

якобы он сказал: «Хочу дожить до ста лет».

– Да, да, «живу счастливо», – подхватывает Каганович. – Не похоже на него.

– На него не похоже, не в его ключе. У него критический ум. Смотрел трезво. Я их понимаю: они хотели показать, что он живой.

– Кто это – они? – спрашивает Каганович.

– Журналисты, – отвечаю.

– Только ли журналисты? Такую вещь не могли печатать без какого-нибудь разрешения.

– Газета, которую мало кто читает, – отвечаю. – Возможно, за границей написали о нем чепуху...

– То решили у нас что-то напечатать, – соглашается Каганович, – что он живой, что он хорошо живет...

– Что у него пенсия большая.

– Возможно, написали за границей, что он плохо живет. Я думаю, что это не без ведома... Политическая штука. Акт политический.

Мы немного помолчали.

– Мы работали вместе, тридцать лет в ЦК, – заговорил Каганович. – Я познакомился с ним в революцию. В июле семнадцатого года, когда я приехал в Петроград. А он ведал информацией, информационным аппаратом ЦК. И вот я вместе с другими – Аросев¹¹, Мальцев... А вы с ним как позна-

¹¹ Александр Яковлевич Аросев (1890—1938) – русский революционер, советский партийный деятель, чекист и дипломат, писатель. – *Прим. ред.*

комились?

– Я написал стихи, за которые меня ругали при Хрущеве. Большие неприятности были. До сих пор не напечатаны. Мне сказали, что он прочитал эти стихи, ему они понравились, и меня пригласили к нему.

– Это очень похвально, – говорит Каганович, – что вы в то время написали такое стихотворение.

– Это было время, когда обливали грязью Сталина, потом ломали ему памятники. Я учился в институте энергетическом, на втором курсе. Мне восемнадцать лет было.

– Восемнадцать лет, на втором курсе, – повторяет Каганович.

– А с Молотовым я познакомился позже, когда эти стихи пошли по стране.

– Периодическая печать вас не печатает?

– Печатает. «Правда», «Комсомолка», «Советская Россия». К сожалению, печатают не то, что хочется. Хотелось бы острые вещи напечатать, то, что наболело.

– В общем-то вы поэт не лирический.

– Наверно, такой и такой.

– Нет, я хочу сказать, что вы поэт социально-политический.

– Первый раз слышу.

Писатели о рабочем классе

– Такой терминологии нет нигде в определении поэзии. Я употребляю. Говорят: гражданская поэзия. Но это не выражает суть. Это во Франции, в буржуазной республике. А есть социально-классово-политические поэты, так, по-моему. Мне очень понравилось ваше стихотворение о памятнике в Берлине. Очень сильные, патриотические стихи! В конце книжечки есть стихотворение завещательное.

Такие стихотворения именно социально-политического характера. Я бы сказал еще, экологические. Я не специалист по литературе, тем более по поэзии, я заранее вам это говорю, но кое-что читал. Некоторые поэты очень увлекаются природой, девяносто девять процентов – о природе, и один – оценка человеку. А у вас – соединение природы и общечеловеческой ответственности, что ли. Человековедение.

– Я видел много интересных людей. Мне авиация многое дала. Летчики – удивительный народ.

– Но если уж быть критиком в поэзии, – замечает Каганович, – то можно кое-что посоветовать. Я считаю, что у нас очень мало поэзии о рабочем классе. О крестьянстве еще есть, а о рабочем классе очень мало. То ли потому, что машина с романтикой мало вяжется, то ли потому, что просто не доперло. Девятьсот пятый год. Героизм рабочего класса пятого года. У нас и прозы сильной нет на эту тему. Если

строго говорить, то, кроме «Матери» Горького, ну, еще...

– Кочетов¹², «Журбины»...

– «Журбины» о рабочем классе, да. Но его смазали сильно, Кочетова. И до сих пор не вспоминают, а между тем это единственный хороший роман о революционном рабочем классе.

– А я вам скажу, почему не вспоминают: он сталинист был.

– Я с ним познакомился у Охлопкова в театре, – говорит Каганович.

– Он с женой был, – добавляет Мая Лазаревна.

– Кое-что еще есть, – говорит Каганович, – а между тем до революции искали и всегда находили. Был писатель Бибик¹³, не большевик, но социал-демократ. «К широкой дороге» – его сочинение. Популярный был писатель. Он плехановец, кажется, был. И мы его читали, рабочие ребята, большевики, хотя знали, что Бибик не большевик. И другие были еще. У меня есть список, в библиотеке Ленина я взял – писатели о рабочей жизни. Сделали мне, когда я был у власти. Полный, я его весь прочитал. Много книг было, а сейчас у нас не пишут почему-то.

¹² Всеволод Анисимович Кочетов (1912—1973) – советский писатель и журналист, военный корреспондент. В 1952 году опубликовал роман «Журбины», посвященный жизни рабочих судоверфи. Роман был переведён на многие языки. – *Прим. ред.*

¹³ Алексей Павлович Бибик (1878—1976) – старейший русский советский рабочий писатель и драматург. Революционер.. – *Прим. ред.*

– Сейчас диктатура крестьянствующих писателей. Кулацкая идеология наружу выходит.

– Жалость к прежней романтике, деревенской. Писатели с именами довольно увлеклись. Я бы лично боялся так формулировать, я, так сказать, более политик, а вы правильно сказали.

– Люди, которые пишут о рабочем классе, или не проявили себя, либо их смазали, как Кочетова.

– Очень плохо, – констатирует Каганович.

– Это отражает общее настроение.

– И даже если взять современную литературу о молодежи – во-первых, молодежь молодежи рознь, надо дифференцированно брать, – говорит Лазарь Моисеевич. – У нас сто тридцать миллионов членов профсоюзов. Ленин, когда писал о рабочем классе, он дифференцировал: металлургов – отдельно, шахтеров – отдельно. И мы все так привыкли, что в каждой прослойке рабочего класса есть разные элементы, есть мелкобуржуазные элементы. Хоть он и рабочий, а все-таки в нем нечто мелкобуржуазное.

Так вот, о молодежи – больше всего пишут об элементах чужих. Рабочий класс мало освещается. А если освещают его, то все-таки до психологии мало допирают. «Он пришел, он ушел, он взял, он принял. Они увиделись, понравились друг другу, пошли вместе туда-то и туда-то». Не добираются до психологии людей, в чем сила Толстого, Горького, Чехова. У них меньше действия, глаголов, чем психологического

ИЗЫСКАНИЯ...

Глава 1

Солдатская конференция

Знакомство с Лениным

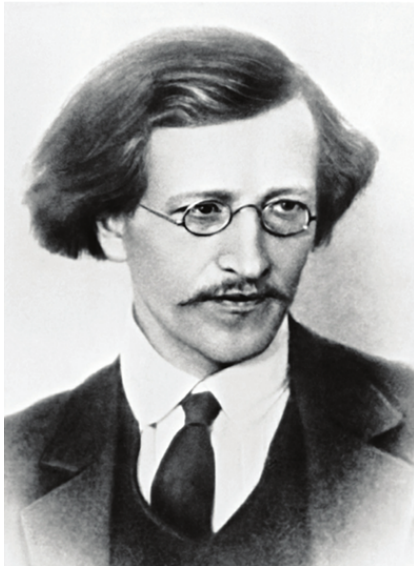
– Хотел я вас спросить, как вы с Лениным познакомились...

– С Лениным – пожалуйста. С Лениным я познакомился в семнадцатом году, в июне. Была российская конференция военных организаций большевиков, солдаты и несколько офицеров было. Я – делегат от грузинской армии. Во дворце Кшесинской это было, шестнадцатого июня. Мы участвовали, все делегаты, на демонстрации восемнадцатого, и не то что участвовали, Ленинградский (то время Петроградский. – Ф. Ч.) комитет отобрал лучших ораторов. У нас была небольшая группа солдат, выступали на заводах. Я выступал, например, на заводе Айвазова вместе с Антоновым-Овсеенко, он еще тогда большевиком не был. Видите, теперь все нивелируют. Он храбрый человек был, знал военное дело.

Но в июле он еще был с Троцким, так называемые межрайонцы, была межрайонная организация между большевиками и меньшевиками, левая. Они потом слились с большевиками. Тогда на этом заводе выступала и Спиридонова Мария,

интересная была. Я на митинге сказал, что здесь выступала представитель эсеров уважаемая нами Мария Спиридонова. Я, говорит, левая. Она действительно, левая революционерка, но в партии эсеров она вместе с правыми и тем самым несет ответственность за их соглашательскую политику. Она истерически: «Нет! Нет! Неправда! Неправда!»

Мы потом на конференции докладывали о наших впечатлениях. В это время зашел Ленин. Он сделал два доклада. Один доклад – текущий момент, другой – об аграрном вопросе. Это подняло конференцию на уровень общепартийной. Она была между конференцией и съездом. После его докладов были выступления. И против Ленина были – чаще всего солдаты из Юго-Западной армии. Окопная правда. «Надо начать немедленное восстание против Временного правительства, нам нечего ждать, солдаты не хотят ждать!»

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883 – 1938) – русский революционер, меньшевик до 1914 года, во время Первой мировой войны – меньшевик-интернационалист, в 1917 году вступил в партию большевиков

Очень неприятное положение возникло на конференции. В своих воспоминаниях Кедров пишет, будто большинство конференции было настроено против доклада. Я возражаю. Я сидел в гуще конференции, а он сидел в президиуме и не мог знать.

Я выступал после Васильева и возражал. В бюллетене конференции есть краткое изложение моей речи. Я сказал, что

доклад товарища Ленина безупречен, с какой бы стороны к нему ни подходить.

Мы, выступая перед солдатами в семнадцатом году, всегда испытывали большие трудности по вопросу социализации земли. Эсеры имели большинство. Они нас прижимали. Национализация земли – отдать всю землю государству, правительству. На этом они солдат отбивали. Мы решили рассказать это Ленину. Через Подвойского действовали: «Вот, мы хотим...» Он: «Давайте, я поговорю с товарищем Лениным». Поговорил. Сказал нам: «Но недолго, только недолго».

Мария Александровна Спиридонова (1884 – 1941) – российская революционерка, одна из руководителей партии левых эсеров

Я говорю: товарищ Ленин, я извиняюсь, мы тут решили вас спросить, развейте наши сомнения. Мы испытываем такие вот трудности. Как объяснить?

Он: ну и что?

Мы считаем, что социализация земли – не наша линия. Это ограбление земли, хотя и общественное. Мы за национализацию – не такому государству, которое сейчас существует, не такому правительству, которое сейчас возглавляет эсер Керенский, а настоящему рабоче-крестьянскому правительству. Поэтому вам бояться нечего этого государства. Чтоб кулаки опять не захватили землю через эту так называемую социализацию, надо именно чтоб она была национализирована. А главное, вы задайте эсерам вопрос: какая там «зация» будет, социализация или национализация, вы хотите сейчас брать землю у помещиков или нет?

Они начнут крутить. Тогда вы им скажите: а мы, большевики, не спорим с вами на словах – социализация, национализация, – которые крестьяне не особенно понимают, а мы говорим: забирать землю сейчас! Восставайте сейчас! Забирайте леса сейчас! Не ждите! Тогда солдаты за вами пойдут.

На этой конференции я был избран во всероссийское бюро военной организации при ЦК РСДРП, двенадцать чело-

век нас было.

– Сколько вам было тогда?

– Двадцать четвертый год. Молодой. Ну, я, видимо, чем-то выделялся. Когда я приехал в Петроград, меня сразу заграбастали и назначили комиссаром одиннадцатого агитационного управления по организации Красной Армии. Вместе с Подвойским¹⁴ и Крыленко¹⁵ руководил солдатской секцией. Когда мы выработали декрет по организации Красной Армии, вместе пошли к Ленину. Он внес существенные поправки, очень важные. Потом на заседании Совнаркома товарищ Подвойский говорит: «Вот это товарищ Каганович, мы его забираем к себе на работу в Красную Армию».

«Очень хорошо, очень хорошо, – говорит Ленин, – вы тот самый, который меня спрашивал о социализации и национализации земли?»

«Да, да, товарищ Ленин».

«Вот видите, мы забрали солдат у эсеров, и теперь эсеры ни с чем, а солдаты наши».

¹⁴ Николай Ильич Подвойский (1880-1948) – русский революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель. – *Прим. ред.*

¹⁵ Николай Васильевич Крыленко (1885 – 1938) – советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции 1917 года. Кандидат в члены ЦИК СССР 1—4 созывов, член ЦКК ВКП(б) в 1927—1934 гг.. – *Прим. ред.*

В. И. Ленин с делегатами X съезда РКП(б). 1921 год

Вот мое знакомство. После этого я бывал у него не раз. На Шестой съезд Советов я уже приехал из Воронежа – был председателем губкома в Воронеже. А раньше в Нижнем Новгороде работал. Молотов стал там председателем бюро исполкома. В комнате Большого театра Ленин подошел ко мне и Молотову, положил нам руки на плечи: «Поговорите между собой». И, обращаясь к Молотову: «Вы недавно приехали в Нижний, а он там работал, многое вам расскажет,

это пригодится».

...Я просил у Ленина хлеба для Нижнего Новгорода, когда там работал. Ленин усадил меня в кресло, сам вышел из-за стола, сел напротив. Стал говорить, что надо самим добывать хлеб.

«Но у нас условия такие, что нету», – говорю ему.

«Все равно надо самим – продотряды!» – отвечает.

Я просил две баржи из восьми, которые мы отправили по Волге. Потом мне, по-моему, Горбунов сказал, что Владимир Ильич разрешил нам оставить у меня в Нижнем одну баржу. Это девятнадцатый год.

Ленин меня утешал

А потом был инцидент большой, и Ленин меня утешал. В Нижнем Новгороде напечатали несколько циркуляров. В одном было: «Не накладывать на середняка чрезвычайный налог...», а типограф слово «не» пропустил. Мы не проверили, а Ленину кто-то дал почитать. Он в своем докладе нам дал! Я знаю, говорит, товарищей нижегородцев, они очень хорошие работники, не хочу их заподозрить, что они это сознательно сделали, но вот напечатано так. И процитировал без «не».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.